

Слободнюк Сергей Леонович

доктор философских наук,
доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры философии
Магнитогорского государственного университета,
Заслуженный деятель науки РФ
dom-hors@mail.ru

ПРАВОВАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВОСОЗНАНИЕ В МЕТОДОЛОГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Аннотация:

В статье анализируется состояние проблемы правовой реальности и правосознания в современном методологическом дискурсе. В результате автор приходит к выводу, что единым онто-гносеологическим основанием правовой реальности и правосознания во всем многообразии их проявлений и взаимосвязей выступает право как возведенная в закон воля господствующего.

Ключевые слова:

право, правовая реальность, правосознание.

Slobodnyuk Sergey Leonovich

D.Phil. (Philosophy),
D.Phil. (the Humanities),
Professor of the Philosophy Department,
Magnitogorsk State University,
Honored Scientist of the Russian Federation
dom-hors@mail.ru

LEGAL REALITY AND LEGAL CONSCIENCE IN THE METHODOLOGICAL DISCOURSE

Summary:

The article carries out a research of status of the legal reality and legal conscience problem in the contemporary methodological discourse. As a consequence the author concludes that the only ontological and epistemological basis of the legal reality and legal conscience in all the various manifestations and correlations is a law as rulers' will evolved to the legislation.

Keywords:

law, legal reality, legal conscience.

Понятие правовой реальности подобно Протею, обернувшемуся Труффальдино из Бергамо, который одинаково плохо служит как теории права, так и онто-гносеологии. Возможно, это происходит потому, что о проблемах правовой реальности нередко пишут либо философы, увлекшиеся правом, либо правоведаы, нечаянно попавшие в непроходимые философские чащобы.

Ярким примером подобного «синтеза» может служить работа О.В. Крет, в которой звучит следующее утверждение: «Правовая реальность представляет собой относительно автономный нормативно-императивный и формально-определенный срез общественной реальности, объединяющий все существующие правовые явления» [1, с. 9]. Конечно, с известными оговорками, с этим утверждением можно было бы согласиться. Но каким образом *срез* может объединить все явления? Тем более что уже в следующем тезисе правовая реальность оказывается не просто *срезом*, а *общественным явлением*, сущность которого «заключается в государственно-правовом регулировании поведения людей в человеческом сообществе с целью достижения на нормативной основе такой стабильной организованности общества, при которой реализуются демократия, экономическая свобода, свобода личности» [1, с. 9].

Обратим внимание на весьма любопытную последовательность: 1) срез, являющийся совокупностью всех явлений, вдруг превращается → 2) в явление (то есть – производное от чего-то), которое → 3) обладает способностью осуществлять «государственно-правовое регулирование поведения людей», что, грубо говоря, уравнивает его самим государством и правом. Далее выясняется, что этот срез-явление-сущность имеет основное (оно же – движущее) противоречие в лице своих «правомерных и неправомерных сторон», «взаимосвязанных и взаимопереходящих друг в друга» и «представляющих собой соответственно комплекс явлений правовой реальности, которые соответствуют существующей в данный временной промежуток системе права и поддерживают ее, либо не отвечающих требованиям правовых предписаний и предполагающий <щих> иное, противоположное либо отличное от официального, их понимание» [1, с. 10]. Таким образом, к уже имеющимся явлениям добавляется комплекс с неизвестным числом элементов, которые по неведомым причинам могут обладать взаимоотрицающими потенциями. В итоге мы оказываемся перед онтологической головоломкой, составленной по типу гордиева узла, а значит – не имеющей логического решения.

Представители социальной философии тоже не стремятся к строгим формулировкам. Правовая реальность определяется как «одна из граней единой реальности», сочетающей в себе «два взаимосвязанных, взаимообуславливающих компонента: субъективный и объективный»; ее называют «условно дифференцированной частью реальности» и «особым родом бытия», которое включает в себя «совокупности материальных и идеальных образований, воспро-

изводимых человеком, направленных на регуляцию отношений между людьми и поддержание механизмов функционирования общества» [2, с. 3, 4, 9].

Поэтому, чтобы избавить себя от лишних сложностей, примем в качестве рабочей версии следующие тезисы: «В наиболее общем виде правовую реальность можно определить как вид объективной реальности, возникающий в той области действительности, где реализуются правовые отношения между индивидуумами, индивидуумом и обществом, индивидуумом и государством» [3, с. 16]. Эта формулировка не идеальна, однако ее несомненным достоинством является корректная связка онтологического и правового элементов и отражение двух важных моментов: 1) *правовая реальность объективна* и 2) *необходимо предполагает наличие индивидуума, вступающего в правовые отношения*.

Таким образом, мы получаем некую принципиальную схему, которая вряд ли окажется полноценной, если не пояснить, что подразумевается под «объективной реальностью», и какое место в предлагаемой схеме отведено праву. Первая неувязка легко разрешается ввиду универсальности понятия «объективная реальность», одинаково приемлемого как для материалистической, так и для идеалистической картины мира: с соответствующими поправками, разумеется. Вопрос же о праве кажется гораздо более сложным, однако и он разрешим, если мы вспомним, что речь идет о *принципиальной* схеме. В таком случае вполне допустимо отвести праву статус онто-гносеологического основания правовой реальности во всем многообразии ее проявлений...

Теперь обратимся к понятию правосознания. По сравнению с понятием правовой реальности оно оказывается довольно расплывчатым. Так, И.Л. Честнов считает, что «правосознание выступает “другой стороной” всех форм права, воспроизводя и объективируя в ментальных представлениях каждое взаимодействие, совершающееся в правовой реальности» [4, с. 29]. Р.С. Байниязов справедливо указывает: «Правосознание в правовой реальности есть важный феномен духа, мысли, чувства... Именно оно выражает соответствующее юридическое мировоззрение, правовую теорию и идеологию, правовые чувства и настроения, определяющие юридический облик общества и государства, ценностные и иные ориентиры и приоритеты в правовом поведении личности»; и выступает «духовно-ментальной и мировоззренческо-идеологической основой правовой действительности», без которой «любой правовой процесс и институт невозможны, юридические акты немислимы» [5, с. 3–4].

В свою очередь, В.П. Малахов предлагает подход, в рамках которого «содержанием правосознания непосредственно выступают его *смысловые единицы*», причем «этими смысловыми единицами являются не понятия как сгустки свойств предмета, представляющие собой содержание мысли о предмете, а понятия как концепты, то есть как условия и средства структурирования нашей мысли о реальности, придания ей правового смысла» [6, с. 170]. Преимущества подобного подхода для исследователя очевидны, ведь когда под содержанием правосознания тайно или явно понимается *право*, мы оказываемся «обращены к праву как к реальности», а вот когда место права занимают концепты, мы оказываемся «обращены к самому правосознанию» [7, с. 170]. Кроме того, согласно В. Малахову, «в первом случае мы рассматриваем правосознание с точки зрения отражения им социально-духовной реальности, во втором мы характеризуем его с точки зрения его активного отношения к этой реальности. В первом случае оно вторично по отношению к реальности права и является ее отражением, во втором оно должно быть понято как “замысел” права, практической деятельности людей, как их основание. Содержание первого рода подвластно научному познанию...; содержание второго рода может быть увидено и понято лишь самим правовым существом» [8, с. 170].

Каждая из представленных точек зрения имеет сильные и слабые стороны. Однако нам представляется, что никакое стремление абсолютизировать правосознание не в силах опровергнуть справедливость давних определений, согласно которым правосознание есть «одна из форм общественного сознания», «совокупность взглядов, идей, выражающих отношение людей к праву, законности, правосудию, их представление о том, что является правомерным или неправомерным» [9, т. 4, с. 336]. Более того, внимательно присмотревшись к бесконечному ряду формулировок, посвященных правосознанию, наиболее корректной и универсальной придется признать именно эту, несмотря на ее верность догматам марксизма. И не только потому, что она в какой-то мере примиряет собой противоположности материалистического и идеалистического мировоззрения. Дело в том, что именно *такое* понимание правосознания не противоречит специфическим моментам теории права, для которой «в самом общем виде правосознание – это отношение к праву», а в более развернутом виде «совокупность идей, чувств, настроений, представлений, взглядов, в которых выражается отношение к праву, правовым явлениям, в том числе к действующему и желаемому праву, к деятельности юридических органов и учреждений, а также к действиям и поступкам, совершаемым в правовой сфере» [10, с. 425].

Учитывая все названные обстоятельства, правосознание можно определить как *специфическую форму общественного сознания, необходимым образом связанную с правовой реальностью*. Предлагаемая формулировка, на первый взгляд, мало чем отличается от уже известных нам определений правосознания. Однако нам представляется, что некоторые отличия все же есть. И прежде всего – это придание правосознанию статуса *особой* формы общественного сознания и утверждение *необходимого* характера связи с правовой реальностью. Последняя, как мы помним, *объективна и необходимым образом предполагает наличие индивидуума, вступающего в правовые отношения*. Кроме того, наличие подобной связи позволяет утверждать, что правовая реальность как область *бытия* актуализируется в правовой *действительности*, а их совокупное взаимодействие с другими областями бытия становится одним из важнейших онтологических оснований *правовой жизни*. При этом право, которое являет собой возведенную в закон волю *господствующего*, обретает новый статус – статус *единого онтогносеологического основания* правовой реальности и правосознания во всем многообразии их проявлений и взаимосвязей.

Ссылки:

1. Крет О.В. Правовая реальность: онтолого-гносеологический анализ: дис. ... канд. филос. наук. Тамбов, 2007.
2. Гончаров Е.В. Правовая реальность: анализ взаимодействия субъекта и объекта: автореф. ... канд. филос. наук. Тамбов, 2008.
3. Марайкин С.И. Философский анализ проблемы воли в правовой реальности: автореф. ... канд. филос. наук. Магнитогорск, 2004.
4. Честнов И.Л. Принцип диалога в современной теории права (проблемы правопонимания): автореф. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2002. URL: <http://www.law.edu.ru/book/book.asp?bookID=107641> (дата обращения: 31.10.2012).
5. Байниязов Р.С. Правосознание и правовой менталитет в России: автореф. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2006. URL: <http://law.edu.ru/book/book.asp?bookID=1238631> (дата обращения: 31.10.2012).
6. Малахов В.П. Концепция философии права. М., 2007.
7. Там же.
8. Там же.
9. Туманов В. Правосознание // Философская энциклопедия: в 5 т. М., 1967–1970.
10. Морозова Л.А. Теория государства и права. М., 2009.

References (transliterated):

1. Kret O.V. Pravovaya real'nost': ontologo-gnoseologicheskiy analiz: dis. ... kand. filos. nauk. Tambov, 2007.
2. Goncharov E.V. Pravovaya real'nost': analiz vzaimodeystviya sub"ekta i ob"ekta: avtoref. ... kand. filos. nauk. Tambov, 2008.
3. Maraykin S.I. Filosofskiy analiz problemy voli v pravovoy real'nosti: avtoref. ... kand. filos. nauk. Magnitogorsk, 2004.
4. Chestnov I.L. Printsip dialoga v sovremennoy teorii prava (problemy pravoponimaniya): avtoref. ... d-ra yurid. nauk. SPb., 2002. URL: <http://www.law.edu.ru/book/book.asp?bookID=107641> (date of access: 31.10.2012).
5. Bayniyazov R.S. Pravosoznanie i pravovoy mentalitet v Rossii: avtoref. ... d-ra yurid. nauk. Saratov, 2006. URL: <http://law.edu.ru/book/book.asp?bookID=1238631> (date of access: 31.10.2012).
6. Malakhov V.P. Kontseptsiya filosofii prava. M., 2007.
7. Ibid.
8. Ibid.
9. Tumanov V. Pravosoznanie // Filosofskaya entsiklopediya: in 5 vols. M., 1967–1970.
10. Morozova L.A. Teoriya gosudarstva i prava. M., 2009.